

Алексей Васильевич Манаев родился в 1949 году в Уколовском районе Воронежской области (ныне Красненский район Белгородской области). Окончил отделение журналистики Казанского государственного университета и Академию общественных наук при ЦК КПСС. Кандидат исторических наук. Работал в СМИ и на различных ответственных должностях в федеральных государственных органах. Государственный советник Российской Федерации I класса. Автор и составитель нескольких книг. Удостоен высоких государственных и общественных наград. Живет в Москве.

Алексей Манаев

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕЧЕР

* * *

Принаряжены в иней деревья.
Тишина и покой как в лесу.
Поспешает к колодцу деревня,
Коромысло держа на весу.
Поспешает, торопится к встрече,
Даже окна румянцем горят:
У колодца серебряный вечер
Разливает по ведрам закат!

Мы с тобою целуемся нежно.
Льется в ведра поток алых струй.
Даже счастье бывает безбрежным —
Ну, хотя бы в один поцелуй!
И дрожат под ладонями плечи,
И улыбчив, и нежен твой взгляд...
У колодца серебряный вечер
Разливает по ведрам закат...

Онемели мы, что ли, в разлуке,
От которой всего полчаса?
Только крепче сжимаются руки,
Только ярче сияют глаза.
Ни к чему оправдания и речи,
И слова, что звучат невпопад...
У колодца серебряный вечер
Разливает по ведрам закат...

Живу в деревне. Крышу крою.
Строгою доски. Делаю навес.
Питаюсь баклажанною икрою.
Она и здесь в ходу — деликатес!

А земляки, здороваясь степенно,
Бросают мне с усмешкою в лицо:
— Ну что, москвич, потеешь? Непременно,
Глядишь, за отпуск растрясешь пуздо.

И шуток рой дымится и клубится.
И вдруг, как на засыпочку, вопрос:
— Скажи-ка, брат, когда же так случится,
Что б лучше нам хоть на щепоть жилось?

Я вглядываюсь в ликов их обноски,
Не зная, чем обрадовать людей.
Краснею. Злюсь. Вколачиваю в доски
Шеренгу подзаржавленных гвоздей...

ТОПОЛЬ

Я, мальчишка, посадил тебя
В каменистую землю
под окнами
родимого дома.
Ты рос трудно,
открытый всем ветрам.
Но ты тянул свои ветви —
к солнцу!
Рос и я — тоже трудно,
без родительской подстраховки
карабкаясь по крутым
уступам жизни —
тоже к солнцу:
к знаниям, к культуре,
которые соединились для меня
в одном понятии —
город.
Давно
Мы с тобой в разлуке.
Жалеть вроде бы
не о чем.
Но столичный асфальт
и министерские коридоры
почему-то
мало
греют душу.

А ты сторожишь,
будто для меня,
родимый дом, в котором
давно живут
чужие люди.
И каждый раз, когда
еду на побывку,
из узенького окна автобуса
издали узнаю,
тебя, зеленокудрого.
И непонятно —
то ли ты
встаешь на цыпочки,
чтобы раньше всех
поприветствовать меня.
То ли я
встаю на цыпочки,
чтобы убедиться,
что твоя
хлопотливая листва
еще трепещет на ветру
жизни.
И каждый раз,
когда уезжаю в столицу,
долго вижу
твое
благородное чело,
постепенно скрывающееся
за горизонтом.
И непонятно:
то ли ты
встаешь на цыпочки,
все машешь и машешь
мне
прощально
и укоризненно.
То ли я
встаю на цыпочки,
чтобы хоть на минуту
продлить
расставание с тобой.

* * *

Шел майский дождь. Игривая гроза,
Встречаясь с летом, ворковала тихо.
Усталый день шагал по лужам лихо,
Надвинув шляпу-тучу на глаза.

Ручьи вразброс... Свистков гаишных трели...
Машин нетерпеливая река...

От пляшущей вприсядочку капли
Лоснились их покатые бока.

И среди этой пестрой кутерьмы,
Среди потоков майского разлива
Стояли мы и целовались мы,
Прикрыв седины зонтиком стыдливо.

И слышал я прохожих голоса:
«Во, старичье, во, одурели, черти!».
Но ворковали тихо небеса...
Нам ворковали — вы уж мне поверьте!